НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИНСТИТУТ ИСКУССТВ И КУЛЬТУРЫ

**МУЗЕЕВЕДЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
В ТОМСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ
УНИВЕРСИТЕТЕ**

Издательство Томского университета
2021

**Н.М. Дмитриенко, Л.А. Лозовая, М.А. Бутенко,
В.С. Глухов**

МУЗЕЕВЕДЕНИЕ КАК КОМПЛЕКС ЗНАНИЙ О МУЗЕЙНОМ ДЕЛЕ: К ИСТОРИОГРАФИИ ПРОБЛЕМЫ*

В изучении музееведения/музеологии, интерес к которому набирает обороты, все яснее прослеживаются достижения и проявляются недоработки и «белые пятна». Одним из таких крайне слабо освещенных вопросов является историография и отдельных дисциплин и направлений музееведения, и всего комплекса в целом. Нельзя сказать, что поставленная проблема не исследовалась. Первый опыт обобщения истории исторических исследований в России, в том числе истории музеев, относится к концу XIX в., когда был издан первый в России историографический труд В.С. Иконникова. Просто и убедительно автор излагал не утраченную и в наши дни концепцию своего исследования: «Историк, прежде всего, должен настойчиво стремиться к открытию истины и все подвергать критической оценке, не останавливаясь ни перед какими препятствиями, опасениями или предубеждениями. Он должен отрешиться от предвзятых идей и заключений *a priori* и основываться в своих выводах исключительно на фактах, почерпнутых по возможности из первоначальных источников». В.С. Иконников подчеркивал значение обращения к работам предшественников: «Изучение трудов предшественников помогает историку избегать ошибок, давно опровергнутых, и предохраняет его от увлечения видеть в себе человека, открывшего новый мир. При изучении чужих работ не следует, однако, ничего принимать в них на веру, а все подвергать внимательному пересмотру с целью убедиться, в чем предшественники были совершенно правы и где они ошибались, а вовсе не с тем, чтобы непременно опровергнуть высказанные ими воззрения и заменить их своими собственными, оригинальными» [1. С. 35–36].

Книга В.С. Иконникова положила начало историографическому исследованию музейной деятельности в России, в главе «Музеи

* Впервые опубликовано: Вестник Томского государственного университета. Томск, 2015. № 399. С. 34–41.

как хранилища памятников вещественных древностей и искусства» он собрал и критически оценил работы по истории отдельных музеев, проследил постепенное изменение отношения к памятникам старины и к российским музеям – от храмовых ризниц, кладов и сокровищниц к западноевропейскому пониманию музея как хранилища памятников, собираемых с целью изучения и передачи будущим поколениям [1. С. 1350–1360, 1384–1385]. Однако идеи В.С. Иконникова долгое время не были востребованы отечественными исследователями, что сказывалось на музееведении. Этот факт был отмечен А.М. Разгоном еще в 1960-х гг. [2. С. 189], но до сих пор нет ни одной публикации о том, как изучались вопросы о музейном деле и музееведении, как изменялись трактовки этих явлений и понятий. В данной статье поставлена задача восполнить недостаток, проследить процесс накопления научных представлений о музейном деле, выявить эволюцию концептуальных положений, взглядов и представлений о российском музееведении в продолжение XIX – первых десятилетий XX в.

Углубившись в историю, мы убедились, что у истоков музееведения в России находился Н.М. Карамзин. Он первым использовал исследовательский прием визуализации, с помощью которого возможно было, говоря словами А.С. Лаппо-Данилевского, «представлять себе живые образы “людей и предметов” и постигать действительную жизнь в полноте индивидуальных особенностей...» [3. С. 211]. Можно сказать, что Н.М. Карамзин через изобразительные и вещественные источники реконструировал картину исторического прошлого, осуществляя в своих трудах и, прежде всего, в «Истории государства Российского» репрезентацию памятников, достигая выразительности, а вместе с тем и доходчивости, убедительности исследования прошлого [4, 5]. (Много позже этот подход был обозначен как музейно-предметный, или музееведческий, и стал использоваться по преимуществу в музейной работе.) Кроме того, Н.М. Карамзин осуществил научно-достоверную реконструкцию истории повседневности, стоял у истоков музееведческой дисциплины, ныне известной как история материальной культуры. Вслед за ним, в 1860-х гг., наиболее представительное и до сих пор не превзойденное по полноте, точности и строгой документированности описание материальной, то есть предметной, или вещественной, культуры русских

в XVI–XVII вв. осуществил И.Е. Забелин [6]. Нужно отметить, что этот ценнейший вклад русского историка в музееведческую проблематику впервые отметил А.М. Разгон [2. С. 190–191, 197].

Возвращаясь к творчеству Н.М. Карамзина, хотим подчеркнуть, что он касался и собственно музейного дела, первым в России поставил музейные ценности в один ряд с другими достижениями тогдашней культуры – литературой, театром. Он познакомил русского читателя с европейскими музеями, со способами и формами музейного хранения, распространенными в Европе в XVIII в., по собственным впечатлениям и наблюдениям охарактеризовал Дрезденскую картинную галерею, Британский музей и др. [7. С. 174–175; 8. С. 321–322]. Н.М. Карамзин первым сообщил читателям о русских музеях и коллекциях, например о собрании Екатерины II [8. С. 258], о коллекции старинного оружия в Троице-Сергиевой Лавре [9. С. 298], о хранении древностей в Оружейной палате [10. Т. 2, стб. 90].

Продолжением начатого Н.М. Карамзиным и И.Е. Забелиным стали многочисленные научные и документальные публикации о музеях. Прежде всего, следует сказать о работах археографического и музеографического характера, авторы которых вводили в научный оборот новые источники изучения музейного дела, описывали музейные коллекции [11–19]. Была начата разработка новой научной дисциплины – истории музейного дела, в трудах по истории отдельных музеев и музейных коллекций прослеживалось формирование музейных собраний, характеризовались способы их хранения и экспонирования [20–24]. Издавались материалы об исследователях-музееведах и их вкладе в музейную деятельность [25–27].

Видная российская деятельница, одна из создателей и руководителей Московского археологического общества, графиня П.С. Уварова провела сравнительную характеристику состояния музейного дела в России и за рубежом, писала о том, что музеи в странах Европы имеют твердую почву под ногами. Особо подчеркивала: «Польза их признана давно всеми, где правительство относится к ним поощрительно и где сами музеи, получив право гражданства, составляют нечто целое, необходимое в государстве, образовательным целям которого служат с таким успехом». И прибавляла: «Нет сомнения, что только учреждению подобных

музеев запад обязан распространением просвещения среди масс, воспитанием вкуса публики, развитием искусств и промышленности, равно как и большею любовью к истории и археологии страны» [28. С. 23]. Почти одновременно в статье В.Е. Рудакова, сотрудника Архива Департамента герольдии Правительствующего сената, написанной специально для «Энциклопедического словаря» Брокгауза и Ефрона, была предпринята первая попытка охарактеризовать музейное дело как особую сферу. Автор осуществил комплексное описание всех музеев страны, начиная от древнейшего русского музея – Оружейной палаты, первые упоминания о которой относились к XVI в., – и завершая музеями 1890-х гг. Сообщал о создании и деятельности музеев, о фондовой и экспозиционной работе [29].

Формировался методологический аппарат изучения музейной деятельности. Термин музей, или музеум, впервые прозвучавший в России в начале XVIII в. в докладе библиотекаря И.Д. Шумахера Петру I, в XIX в. стал широко использоваться авторами исследовательских и музеографических изданий о музеях и музейных собраниях [30, 31]. В 1817 г. член-корреспондент Петербургской Академии наук Ф.П. Аделунг выступил с проектом создания Русского национального музея, дал и его научное определение как «сколь возможно полное собрание всех предметов, относящихся к истории, состоянию и произведениям какой-либо земли и ее жителей». И в качестве главного достоинства такого собрания указывал, что оно «весьма полезно для скорого и легкого обозрения протекших событий и настоящего положения государства» [32. С. 171–172].

Сложившиеся в середине XIX в. представления о музейной работе получили свое отражение в «Толковом словаре» В.И. Даля, в котором «музеум», или «музей», истолковывался как «собрание редкостей или замечательных предметов по какой-либо отрасли наук и искусств» [33. С. 357]. Полнее, с указанием на ведущие функции, определял музей Д.А. Клеменц: «Музей есть систематическое собрание произведений природы или каких-либо видов человеческого труда с целью наглядного и опытного изучения собранных предметов» [34. С. 2]. Предпринимались попытки дать определение музея, исходя из его сущностного предназначения. Так, еще в 1880–1890-х гг. Н.Ф. Федоров писал, что «музей есть

последний остаток культа предков; он – особый вид этого культа, который, изгоняемый из религии (как это видим у протестантов), восстанавливается в виде музеев» [35. С. 339]. Размышляя в этом же направлении, Б.Ф. Адлер называл музей «хранилищем достояния народного духа» [36. С. 504]. Участники Предварительного музейного съезда, собравшегося в 1912 г., определяли музей как учреждение, занятое «собираaniem, регистрацией и хранением памятников исторического археологического значения» [37. С. 391].

На наш взгляд, наиболее полное представление о музее и музейной деятельности в целом было дано руководителем этнографического отдела Русского музея Н.М. Могилянским. В статье, опубликованной в 1916 г., а затем выпущенной в виде отдельного оттиска, он изложил свое мнение о роли и назначении музея: «Музеи, множась и разрастаясь, естественно привлекли к себе значительные культурные силы, и энергией деятельных работников на почве музейного дела выяснены были не только многие практические задачи, но и самая постановка музейного дела приобрела новый смысл и значение, получив новые идейные основания и почву» [38. С. 305]. Называя музей «хранителем и стражем научных ценностей», популяризатором «науки и ее приобретений», систематизатором научных знаний, Н.М. Могилянский охарактеризовал ведущие направления внутримузеевской работы, первым отметил, что музеи приспособлены «для наилучшего хранения предметов как научных документов». Он ввел понятие «хранение вещи», которое, по его словам, включало физическую сохранность, а также обеспечивало «научную, нематериальную ценность», поэтому требовались тщательная регистрация и инвентаризации коллекций, подготовка этикетажки, издания указателей-путеводителей. Все это означало «непрекращающуюся научную и специальную музейную работу», определявшуюся как музейное дело [38. С. 305–307, 316–317].

В работах П.С. Уваровой, В.Е. Рудакова, А.И. Смирнова была осуществлена группировка российских музеев – по их общественному назначению, содержанию фондовых собраний, географическому признаку, то есть нарабатывался опыт классификации, складывались предпосылки изучения музейной сети и профильных групп музеев [24. С. 90–109; 28. С. 1–22; 29. С. 119–122]. Сложилась такие понятия и определения, как музейный

работник, практические задачи музейной жизни, каталогизация музейных предметов, охрана памятников старины и, наконец, музеологический метод, понимавшийся тогда как способ популяризации научных достижений [38. С. 319; 39. С. 379–380; 40. С. 399–400; 41. С. 410–413]. Характерно, что Н.М. Могилянский полагал архаичным именовать музейных работников хранителями или консерваторами и предлагал номенклатуру музейных должностей определять по содержанию их научной работы: «Зоолог или археолог губернского музея – звучит более достойно для самого скромного деятеля наук, чем устаревшее хранитель» [38. С. 317–318]. Подчеркивал научный творческий характер музейной деятельности: «О положении всякого, самого младшего по службе деятеля музея и его роли нужно сказать, что только тогда он будет чувствовать себя на своем месте полезным работником, если в пределах сознанных и определенно поставленных задач и при исполнении совершенно специальных функций, требуемых музейной службой, он будет предоставлен самому себе как самостоятельный ученый работник. Лишь когда его индивидуальность не будет совершенно задавлена казенной, формальной служебной тяготой, он сохранится живым, постоянно прогрессирующим в своей специальности, необходимым членом одной большой семьи деятелей науки» [38. С. 318].

В «Энциклопедическом словаре» Брокгауза и Ефрона была опубликована небольшая статья-справка, в которой толковалось понятие «музеография» как описание музеев и содержащихся в них предметов [42]. Выражения теория музейного дела, музейная техника и практика впервые встречаются в работе Ф.И. Шмита, изданной в 1919 г. При этом автор не расшифровывал эти словосочетания, но с пафосом, присущим революционному времени, писал: «И если мы хотим точно знать, а не чувствовать только, что же нам дальше делать с музеями и как нам с ними быть, то мы должны, отказавшись от всякого прекраснодушного любительства, решительно посмотреть в корень, разработать теорию музейного дела, определенно и точно ответить на вопрос, для чего существуют музеи. Только тогда мы будем знать, как нам их надо устраивать» [43. С. 33].

Понятие «музееведение» было впервые зафиксировано в 1900-х гг. в преподавательской практике Московского

археологического института, который в продолжение 1907–1922 гг. готовил специалистов для работы в архивах, музеях и библиотеках [44]. По сведениям А.И. Фролова, С.К. Кузнецов, археолог, этнограф, бывший библиотекарь Императорского Томского университета, читал в археологическом институте курс лекций «Введение в музееведение» [45. С. 387]. Точно сказать, что имел в виду С.К. Кузнецов, когда говорил о музееведении, мы пока не можем. Следует все же отметить, что, по свидетельству А.М. Разгона, в решения Предварительного музейного съезда 1912 г., наряду с прочими, вошло предложение об открытии курсов по музееведению с целью подготовки «личного состава музеев» [46. С. 23]. Эта формулировка явно предполагала комплексный характер музееведения.

На рубеже 1910–1920-х гг., со времени установления Советской власти в России, развернулась целенаправленная деятельность по изменению организации музейного дела в стране. Этому содействовала система государственного управления музеями, созданная в структуре Наркомата просвещения. В 1919 г. по инициативе Наркомата просвещения была созвана Всероссийская музейная конференция, на которой, говоря словами А.А. Сундиевой, была поставлена задача «выработать программу дальнейшего развития музейного дела в новых исторических условиях и объединить усилия научной и художественной интеллигенции на реализацию этой программы» [47. С. 464]. Гораздо более жестко охарактеризовал то переломное время С.О. Шмидт, писавший о «социологической вульгаризации гуманитарных знаний». По его мнению, памятникоохранительную деятельность объявили «формализмом музейного типа», началось целенаправленное уничтожение памятников – церквей, музейных экспозиций, письменных памятников [48. С. 501–502]. Появились и первые публикации, авторы которых одобряли политику властей по перестройке музейного дела, предлагали руководствоваться в музейной работе революционными идеями. Так, Н.Г. Машковцев, руководитель подотдела провинциальных музеев музейного отдела Наркомата просвещения, в одной из своих статей, опубликованной в 1920 г., предлагал не бояться перегруппировок художественных ценностей, то есть закрытия одних музеев и передачи музейных коллекций в другие. Заявлял,

что если «мы будем считать фетиш старых музеев разрушенным, если мы не будем идолопоклонствовать перед историческими традициями музеев, имевшими смысл для закончившихся уже эпох истории и потерявших свой смысл для эпох новых, – то мы найдем и материал, и методы для художественного строительства провинции» [49. С. 494–495].

Опытом перестройки музейной работы делился заведующий Херсонесским музеем К.Э. Гриневич. Выступая за «широкую демократизацию всего музейного дела», за «торжество новых идей в музееведении», он приступил к «тематическому музейному строительству», которое рассматривал как «одно из средств ввести марксизм в музейное дело». Считал, что только тематическая экспозиция может быть научной [50. С. 3]. К.Э. Гриневич изложил свое представление о музее, который, по его мнению, «должен давать марксистски выдержанное знание». При этом, по сути, повторял то, что было выработано в российском музееведении в дореволюционный период: «На музей следует смотреть, как на книгу для образовательного чтения, в которой знание дается путем сопоставления не буквенных сочетаний, а расстановкой памятников природы или материальной культуры. Поэтому экспозиция музея – момент первостепенной важности». И добавлял к этому бесспорному положению то, что все более выдвигалось на первый план руководством музейного дела советской России: «Музей должен быть внутренне увязан с задачами социалистического строительства всей страны» [50. С. 5].

Однако, как справедливо указывают современные исследователи, «прежняя парадигма» музееведения сохранялась в России до конца 1920-х гг. [51. С. 18]. Советские музееведы по-прежнему обращались к изучению истории музеев и музейных коллекций, придерживаясь концептуальных основ, наработанных в конце XIX – начале XX в. Писали о научных задачах комплектования и приемах и методах экспозиционной работы, раскрывали исследовательскую и просветительную роль музеев [52–55]. Сотрудник Русского музея М.Д. Приселков в статье, опубликованной в 1926 г., одним из первых в России обратился к проблеме музеефикации предметов «старого быта», вслед за Н.М. Могилянским обозначал музейные памятники как «документы недавнего

прошлого», отметил зарождение «новой по методам изучения дисциплины истории быта» [56. С. 561–572].

В разгоравшейся в 1920-х гг. дискуссии по вопросу о сущности музейной работы исследовательские функции музеев на первых порах не подвергались сомнению. Так, сибирские авторы Н.К. Ауэрбах и Г.И. Черемных заявляли, что вопрос о том, являются ли музеи учреждениями краеведческого (то есть исследовательского) или политико-просветительного характера, потерял свою остроту. И в доказательство этого говорили следующее: «Сибирские музеи в силу своего возникновения, развития и современного состояния в основном были и есть музеи краеведного характера, преследующие цели отразить прилежащий к ним район. При этом они всегда были музеями систематическими. Поэтому вполне понятно, что в своей работе они, главным образом, связаны с научно-исследовательской деятельностью». Отмечали в качестве «особенной ценности краеведного музея» то, что «музеи, как никакие другие учреждения научной значимости, являются наиболее доступными проводниками знания о родном крае в широкие массы». Но подтверждая необходимость работы по популяризации, авторы неожиданным образом переходили к «политпросветительным мероприятиям» и завершали свое выступление заявлением о том, что «тесный контакт работы музеев с политпросветительными учреждениями является необходимой принадлежностью музейной работы» [57. С. 133].

Подводя первые итоги нашего исследования, мы можем говорить о том, что в продолжение XIX – первых десятилетий XX в. в России сложился комплекс научного изучения музейного дела, получивший особое наименование – музееведение. В числе важных составляющих этого комплекса оказались история музейного дела, музейная деятельность (функционирование музеев), история материальной культуры (история быта), в процессе формирования находились вопросы методологического характера, исследования в области археографии и музеографии, истории музейной сети, профильных групп музеев. Ближе к концу 1920-х гг. все настойчивее утверждалась марксистско-ленинская концепция музейного дела, обусловившая представление о музеях как центрах документирования и пропаганды социалистического

строительства. В рамках господствующей концепции некоторые музееведы предпринимали попытки осветить музейную деятельность на основе исторических источников, обеспечивали накопление исторических сведений, до сих пор не утративших научного значения. Однако их работы все меньше отвечали официальным требованиям, характеризовались как аполитичные, нуждавшиеся в пересмотре и корректировке.

Источники и литература

1. Иконников В.С. Опыт русской историографии. Киев, 1891. Т. 1, кн. 1–2. [2074 с.].
2. Разгон А.М. Исторические музеи в России (с начала XVIII века до 1861 г.) // Очерки истории музейного дела в СССР. М., 1963. Вып. 5. С. 189–275.
3. Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории: [переиздание]. М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2013. 602 с.
4. Карамзин Н. Историческое похвальное слово Екатерине Второй. М., 1802. 187 с.
5. Карамзин Н.М. История государства Российского: в 3 кн. 5-е изд. СПб., 1842–1843. Кн. 1–3. Т. 1–12.
6. Забелин И.Е. Домашний быт русских царей и цариц в XVI и XVII столетиях: [переиздание]. М.: АСТ; Транзиткнига, 2005. 1129, 7 с.
7. Сочинения Карамзина. Т. 2: Письма русского путешественника. Ч. 1. М., 1803. 2, 304 с.
8. Сочинения Карамзина. Т. 5: Письма русского путешественника. Ч. 4. М., 1803. 416 с.
9. Карамзин Н.М. Исторические воспоминания и замечания на пути к Троице и в сем монастыре // Карамзин Н.М. Записки старого московского жителя: избранная проза. М.: Московский рабочий, 1986. С. 285–310.
10. Карамзин Н.М. История государства Российского: в 3 кн. 5-е изд. СПб., 1842. Кн. 1, т. 1–4.
11. Московская Оружейная палата. 2-е изд. / сост. [А.Ф. Вельтман]; печатано по Высочайшему соизволению. [М.], 1860. [8], 288 с.: ил.
12. Викторов А. Обзорение старинных описей Патриаршей ризницы. М., 1876. 142 с.
13. Описание записных книг и бумаг старинных дворцовых приказов. 1584–1725 / сост. А. Викторов. М., 1877. Вып. 1. 376 с.
14. Государственное древлехранилище в термах Московского кремлевского дворца: доклад чл.-корр. А.А. Егорова; читан в заседании Общества любителей древней письменности 8 января 1882 года. СПб., 1882. 16 с.
15. Описание записных книг и бумаг старинных дворцовых приказов. 1613–1725 г. / сост. А. Викторов. М., 1883. Вып. 2. С. 377–660.
16. Уварова П.С. Каталог ризницы Спасо-Преображенского монастыря в Ярославле. М., 1887. [43 с.].

17. [Флоринский В.М.] Музей сибирской археологии и этнографии, основанный в 1882 году при Сибирском университете // Археологический музей Томского университета. Томск, 1888. Паг. 2. С. 1–155.

18. [Флоринский В.М.] Прибавление к каталогу Археологического музея Томского университета. Томск, 1890. [82 с.].

19. [Флоринский В.М.] Примечания к описанию Археологического музея Сибирского университета // Археологический музей Томского университета. Томск, 1888. Паг. 3. С. 1–275.

20. *Десятилетие* Минусинского музея. 1877–1887. Томск, 1887. 77 с.

21. Кон Ф.Я. Исторический очерк Минусинского местного музея за 25 лет (1877–1902 г.). Казань, 1902. 260, VI, II с.

22. *Модель-камера*, впоследствии Морской музей имени императора Петра Великого. Исторический очерк. 1709–1909 / сост. С.Ф. Огородников. СПб., 1909. 96 с.: ил.

23. Могиланский Н. Этнографический отдел Русского музея императора Александра III. (Отд. оттиск из журнала «Живая старина». 1911). СПб., 1912. С. 473–498: ил.

24. Смирнов А.И. Земский исторический музей. Опыт организации. Ярославль, 1915. 185 с.

25. Клеменц Д.А. Николай Михайлович Мартыанов (некролог) // Известия Императорского Русского географического общества. СПб., 1904. Т. 40, вып. 4. С. 47–50.

26. *Императорское* Московское археологическое общество в первое пятидесятилетие его существования (1869–1914 гг.). Т. 2: Биографический словарь членов Общества. Список трудов членов Общества, помещенных в изданиях Общества / под ред. П.С. Уваровой, И.Н. Бороздина. М., 1915. XII, 445, 256 с.

27. Анучин Д.Н. Графиня П.С. Уварова в ее служении науке о древностях на посту председателя Императорского Московского археологического общества // Сборник статей в честь графини Прасковьи Сергеевны Уваровой. М., 1916. С. IX–XXIV.

28. Уварова П.С. Областные музеи. [М., 1890]. 28 с.

29. [Рудаков В.Е.] Музеи // Энциклопедический словарь / изд. Ф.А. Бронгауз, И.А. Ефрон. СПб., 1897. Т. 20. С. 112–122.

30. *Историческое описание древнего российского музея*, под названием Мастерской и Оружейной палаты, в Москве обретающегося / сост. [А.Ф. Малиновский, П.С. Валуев]. М., 1807. XLIV, 137 с.

31. [Романчиков С.] Историческое описание Оружейной палаты, или Российский музей, с богатством первопрестольной нашей столицы Москвы, и описанием драгоценностей, хранящихся в оной с показанием, откуда, когда, какого года, по какому случаю поступили в оную палату сии драгоценности. Взято из достоверных источников. М., 1835. 77 с.

32. Аделунг Ф.П. Предложение об учреждении Русского национального музея [Первая публикация: Сын Отечества. СПб., 1817. №14] // Музееведческая мысль в России XVIII–XX веков: сб. документов и материалов. М.: Экстерна, 2010. С. 171–182.

33. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т.: [переиздание]. М.: Русский язык, 1989. Т. 2. 779 с.

34. *Клеменц Д.* Местные музеи и их значение в провинциальной жизни (публичная лекция, читанная в Кяхте 8 октября 1892 г.) // Сибирский сборник: приложение к «Восточному обозрению». Иркутск, 1893. Вып. 2. С. 1–35.
35. *Федоров Н.Ф.* Музей, его смысл и назначение // Музееведческая мысль в России XVIII–XX веков: сб. документов и материалов. М.: Этерна, 2010. С. 338–351.
36. *Адлер Б.Ф.* «Национальный» музей // Музееведческая мысль в России XVIII–XX веков: сб. документов и материалов. М.: Этерна, 2010. С. 501–512.
37. *Проект Положения и Правил 1-го Всероссийского съезда деятелей музеев* // Музееведческая мысль в России XVIII–XX веков: сб. документов и материалов. М.: Этерна, 2010. С. 390–394.
38. *Могиллянский Н.М.* Областной или местный музей как тип культурного учреждения. (Отд. оттиск из журнала «Живая старина». 1916). Пг., 1917. С. 303–326.
39. *Протокол заседания общей (соединенной) секции Предварительного съезда деятелей музеев 28 декабря 1912 года* // Музееведческая мысль в России XVIII–XX веков: сб. документов и материалов. М.: Этерна, 2010. С. 378–390.
40. *Котс А.Ф.* Пути и цели эволюционного учения в отражении биологических музеев: [Отрывки из книги 1913 г.] // Музееведческая мысль в России XVIII–XX веков: сб. документов и материалов. М.: Этерна, 2010. С. 396–404.
41. *Новорусский М.В.* Музейное дело: [публикация 1914 г.] // Музееведческая мысль в России XVIII–XX веков: сб. документов и материалов. М.: Этерна, 2010. С. 410–413.
42. *Музеография* // Энциклопедический словарь / изд. Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. СПб., 1897. Т. 20. С. 126.
43. *Шмит Ф.И.* Исторические, этнографические, художественные музеи: очерк истории и теории музейного дела. Харьков: Изд-во «Союз», 1919. 103 с.
44. *Хорхордина Т.И.* Московский археологический институт: [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.rodnaya-istoriya.ru/index.php/istoriya-miuss/istoriya-miuss/moskovskie-arheologicheskie-institut-mai.html>. Дата обращения: 22.07.2015.
45. *Фролов А.И.* Музееведение // Российская музейная энциклопедия: в 2 т. М.: Прогресс; Рипол классик, 2001. Т. 1. С. 387–388.
46. *Разгон А.М.* Предварительный музейный съезд – итоги развития музейного дела в России // Музей и власть. Ч. 2: Из жизни музеев. М., 1991. С. 5–26.
47. *[Сундиева А.А.]* Первая Всероссийская конференция по делам музеев // Музееведческая мысль в России XVIII–XX веков: сб. документов и материалов. М.: Этерна, 2010. С. 464–465.
48. *Шмидт С.О.* Краеведение и культура России первой трети XX столетия // Россия в XX веке: судьбы исторической науки. М.: Наука, 1996. С. 496–505.
49. *Машковцев Н.Г.* Принципы музейного строительства // Музееведческая мысль в России XVIII–XX веков: сб. документов и материалов. М.: Этерна, 2010. С. 481–498.
50. *Гриневич К.Э.* За новый музей. Херсонесский музей как первый опыт приложения марксистских идей в музейном строительстве. Севастополь, 1928. 16 с.
51. *Музейное дело России.* 3-е изд., испр. и доп. / отв. ред. М.Е. Каулен. М.: ВК, 2010. 676 с.

52. Шмит Ф.И. Музейное дело: вопросы экспозиции. Л.: Академия, 1929. 245 с.
53. Музей игрушки. Об игрушках, кукольном театре, начатках труда и знаний и о книге для ребенка / сост. Н. Бартрам, Е. Овчинникова. Л.: Academia, 1928. 63 с.
54. Шатилов М.Б. Исторический очерк и обзор Томского краевого музея // Труды Томского краевого музея. Томск, 1927. Т. 1. С. 1–37.
55. Мелехин Ф.В. 1923–1928 г. Пять лет работы музея. Краткий отчет // Известия (Государственный Западно-Сибирский музей). Омск, 1928. № 1. С. 121–150.
56. Приселков М.Д. Историко-бытовые музеи. Задачи, построение, экспозиция // Музееведческая мысль в России XVIII–XX веков: сб. документов и материалов. М.: Этерна, 2010. С. 560–573.
57. Ауэрбах Н.К., Черемных Г.И. Состояние музейного дела в Сибирском крае // Жизнь Сибири. Новосибирск, 1928. № 9–10. С. 125–134.

**Н.М. Дмитриенко, М.А. Бутенко,
В.С. Глухов, Л.А. Лозовая**

РОССИЙСКОЕ МУЗЕЕВЕДЕНИЕ 1930–2010-х гг.: ОПЫТ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ*

Первое в литературе обращение к историографии российского музееведения, предпринятое в 2015 г., и вывод о том, что под влиянием политических факторов в советской России наметилась смена парадигмы музейной науки, явно требуют дальнейшего изучения проблемы [1]. Действительно, анализ событий «великого перелома» в стране позволяет говорить, что на рубеже 1920–1930-х гг. произошел буквально «рейдерский захват» музееведения, были навязаны новые идеологизированные представления о музеях и музейном деле, проведена «чистка» музееведческих рядов. Арестам, тюремному заключению были подвергнуты руководители и специалисты музейного дела РСФСР – А.М. Эфрос, А.А. Миллер, И.К. Луппол, Д.А. Золотарев, Ф.И. Шмит, Н.П. Лихачев, Н.А. Шнеерсон, сибирские музеееды Г.И. Черемных, М.Б. Шатилов, И.Т. Маркелов, В.И. Верещагин,

* Впервые опубликовано: Вестник Томского государственного университета. Томск, 2016. № 405. С. 70–81.